

В.А. ШЕВЧЕНКО

(Центральный государственный архив г. Москвы)

К.И. ИВАНОВ

**И РЕОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОГО УЧЕБНОГО ДЕЛА
В БОЛГАРИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ**

Abstract:

Shevchenko V.A. *K.I. Ivanov and reorganization of the Russian school system in Bulgaria in the 1920s–1930s*

The article examines the role of K.I. Ivanov — a member of the Educational committee (under the Plenipotentiary of the All-Russian Cities Union in Bulgaria) — in reorganization of the Russian school system in the 1920s–1930s. Ivanov was the person who inspired the reform. Russian schools were losing their national identity complying with the requirements of the Bulgarian government. It was getting more and more difficult, to maintain the required number of Russian national disciplines' hours.

Ключевые слова: Болгария в 1920–1930-е годы, русские школы в Болгарии, Учебный комитет, А. В. Арцишевский, К. И. Иванов.

За последние десятилетия появилось немало исследований о русской эмиграции в межвоенной Болгарии, в том числе и об организации русского учебного дела¹. Вместе с тем их авторы подробно не рассматривали роль члена Учебного комитета (при уполномоченном Всероссийского союза городов (ВСГ) в Болгарии) К.И. Иванова в реорганизации русских школ на рубеже 1920–1930-х годов.

27 июня 1920 г. в Софию прибыл уполномоченный ВСГ генерал А.В. Арцишевский. Создаются детские сады и подготовительные школы ВСГ: в Варне, Плевне и Софии. В 1921 г. были организованы подготовительные школы в Анхиало, Бургасе, Лесковце, Месемврии и Созополе.

ВСГ учреждает и средние учебные заведения. В мае 1921 г. в селе Долна-Ореховица была основана прогимназия в составе двух подготовительных и двух начальных классов. Сформированная в январе 1922 г. в Константинопольском ученическом этапно-пропускном пункте гимназия в апреле прибыла в Шумен.

В Болгарию переводились и другие средние учебные заведения. Гимназия имени барона П.Н. Врангеля, учрежденная командованием Русской армии 26 февраля 1921 г. в Галлиполи, в январе 1922 г. переехала в Пловдив, а в сентябре направлена в Горно-Паничерево. В октябре 1923 г., путем объединения Петропавловской и Горно-Паничеревской гимназий, создается гимназия в Тырново-Сеймене, получившая название Галлиполийской. Крестовоздвиженская гимназия, учрежденная 24 июня

1920 г. в Буюкдере супругой русского дипломатического представителя в Константинополе В.В. Нератовой, в марте 1922 г. была переведена в Пещеру (Пештеру)².

До 1 июля 1922 г. ВСГ израсходовал 528 145 левов на содержание начальных школ и 2 201 470 левов на средние учебные заведения. Главное командование продолжало финансировать переведенную в Болгарию гимназию имени барона Врангеля и частично содержало интернат при гимназии в Варне. Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет ассигновал средства на содержание Софийской гимназии. В то же время болгарское правительство потратило на питание учащихся в интернатах и на хозяйственные нужды русских средних школ 1 075 227 левов³.

24 июля 1922 г. на заседании Центрального комитета по устройству русских детей в Болгарии представитель Лиги Наций Коллинс заявил, что средства, отпущенные болгарским правительством на питание учащихся в русских школах, иссякают в сентябре, что правительство отказывается в дальнейшем финансировании и что рассчитывать на аналогичную сумму от Лиги Наций тоже не приходится. Коллинс предложил сократить число детей в школьных интернатах, применив следующие меры: удалить из интернатов молодых людей в возрасте 18 лет и старше, которые могли бы зарабатывать на жизнь своим трудом, отправить сирот и учащихся, не знающих о судьбе своих родителей, во Францию, в семьи земледельцев.

К счастью, деятелям ВСГ удалось склонить Лигу Наций, все-таки ассигновавшую на питание в интернатах 1 200 000 левов, не прибегать к радикальным мерам. ВСГ изыскал собственные средства на питание учащихся старше 18 лет. Кроме того была введена плата для вновь поступающих в интернаты — 400 левов в месяц⁴.

9 июня 1923 г. в результате переворота к власти в Болгарии пришло правительство А. Цанкова. В беседе с протопресвитером Георгием Шавельским премьер-министр заявил: «Наша задача не денационализировать русскую школу, а напротив, всеми силами помочь ей сохранить национальную особенность, чтобы она могла воспитать настоящих русских людей»⁵. На основании постановления Совета министров от 14 августа при министерстве иностранных дел и вероисповеданий была создана Комиссия по содержанию русских детей в Болгарии, которую возглавил начальник отдела вероисповеданий Г.Д. Цветинов. В состав Комиссии вошел и уполномоченный ВСГ А.В. Арцишевский. Ежемесячно из государственного бюджета Комиссии выделялось 500 000 левов⁶.

Для координации учебной и просветительной работы при уполномоченном ВСГ была организована Культурно-просветительная комиссия, первое заседание которой состоялось 29 июля 1921 г. Помимо А.В. Арцишевского (председатель) в состав Комиссии вошли профессора —

И.А. Базанов, В.А. Погорелов, Н.М. Попов, М.Г. Попруженко и А.П. Рождественский, директор софийской гимназии А.П. Стефанов, заведующий Русским домом в Варне В.Н. Смердов и другие представители эмигрантских организаций. Было принято решение создать Учебный комитет для разработки единых учебных программ и повседневного методического руководства русскими учебными заведениями.

20 августа на заседании Комиссии было одобрено «Положение об Учебном комитете при ВСГ в Болгарии» и избран состав Комитета: И.А. Базанов (председатель), В.А. Погорелов, А.П. Стефанов и Ф.Л. Мартиновский, назначенный управляющим делами. С апреля 1922 г. в работе Комитета принимал участие помощник уполномоченного ВСГ по учебной части П.Н. Соковнин. В марте 1923 г., в связи с отъездом в Чехословакию, Комитет покинул В.А. Погорелов, которого заменил преподаватель физики и математики софийской русской гимназии К.И. Иванов⁷.

Иванов принял участие и в работе II общеэмигрантского педагогического съезда (5–12 июля 1925 г., Прага). Он же после кончины Соковнина* стал представителем в Болгарии Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей**⁸.

Желание эмигрантских педагогов усилить преподавание русских национальных предметов с сохранением прежнего числа уроков на изучение болгарских дисциплин, вызывало недовольство в министерстве народного просвещения. Началась подготовка к предстоящей реорганизации русского учебного дела в Болгарии.

4 июля 1928 г. на пленуме Педагогического бюро (Прага) с докладом «О положении русского школьного дела и общественно-просветительного дела в Болгарии» выступил К.И. Иванов. Констатировав стабилизацию русского школьного дела в Болгарии (унифицированы учебные программы) и финансирование его болгарским правительством, предоставившим эмигрантской школе «полную свободу устроения своих внутренних дел», Иванов обратил внимание на тот факт, что никем из главных инспекторов министерства не производилась ревизия эмигрантских учебных заведений. Вместе с тем на преподавание болгарских национальных предметов в русской школе отведено только 7 недельных часов за весь гимназический курс.

* П.Н. Соковнин умер в ночь на 23 мая 1925 г. (Русь. 1925. 27 мая).

** Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, созданное в 1923 г. в Праге, координировало развитие русской школы за рубежом, но не было наделено административными функциями. Возглавлял Бюро проф. В.В. Зеньковский. К 1933 г. в связи с финансовыми трудностями деятельность Педагогического бюро постепенно прекратилась.

Докладчик привел высказывания болгарских профессоров о низком образовательном уровне студентов, окончивших русские школы. Несмотря на стремление выпускников поступить в высшие технические учебные заведения, преподавание точных наук, за исключением математики, поставлено в эмигрантской школе недостаточно хорошо. По данным Иванова, лидировавшая по выдаче золотых и серебряных медалей шуменская гимназия на практике выпускала воспитанников с весьма скромными познаниями.

Авторитарная система управления уполномоченного ВСГ являлась, по словам докладчика, главной причиной отставания русской школы. Назначение, перемещение, увольнение преподавателей и воспитателей, контроль за преподаванием по всем учебным дисциплинам, распределение средств находилось в единоличном ведении уполномоченного. «Не нужно допускать, — предостерегал докладчик, — чтобы намечающийся упадок в русской школе дошел до того, чтобы МНП (Министерство народного просвещения. — *В. Ш.*) увидело себя вынужденным (как это имело место в отношении некоторых частных школ) принять свои меры к улучшению русского школьного дела»⁹.

Участники пленума решили не вмешиваться в чужую компетенцию, но рекомендовали, чтобы «Временный главный комитет ВСГ, от имени которого ведется школьная работа в Болгарии, и Исполнительный комитет Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей*, в значительной части финансирующий эту работу, ознакомившись с сущностью указаний Иванова и составив себе ясное представление о действительном положении русского школьного дела в Болгарии», сообщили бы свои выводы Педагогическому бюро, как представителю педагогического общественного мнения и как организации, в которой возник данный вопрос¹⁰.

5 июля в Праге состоялось экстренное заседание Временного главного комитета ВСГ с участием А.В. Арцишевского, Н.И. Астрова, П.Д. Долгорукова, А.В. Жекулиной, С.В. Паниной, П.П. Юренева. Приглашенный на заседание К.И. Иванов заявил, что «имеет поручение МНП получить ответ Временного главного комитета на некоторые вопросы, касающиеся общей и главной линии, как источника беспорядков, обративших внимание

* Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, созданный в 1921 г. в Париже, не только оказывал русским изгнанникам материальную помощь, но и занимался культурно-просветительной деятельностью. В разные годы Комитет возглавляли князь Г.Е. Львов, А.И. Коновалов и Н.Д. Авксентьев. По ходатайству Львова чехословацкое правительство с марта 1923 г. начало перечислять Земгору средства на русские школы, в том числе и в других государствах. С июля 1929 г. выплаты Комитету на поддержку русской школы вне Чехословакии были прекращены.

министерства»¹¹. Он еще раз указал на авторитарное устройство системы управления русскими школами в Болгарии. В шуменской гимназии, например, стараются законспирировать ведение дела, однако то, что там происходит, — не тайна. Если порядок не будет водворен, МНП примет самые решительные меры.

На вопрос, есть ли у докладчика официальное поручение министерства, Иванов ответил, что делает такие указания в частном порядке, но с ведома представителя МНП. Арцишевский решительно возражал против выдвинутых обвинений.

Главный комитет пришел к выводу, что докладчик не указал ни одного факта какого-либо правонарушения, требующего экстренных мер воздействия со стороны ВСГ, и что замечания Иванова касаются главным образом системы управления эмигрантскими учебными заведениями в Болгарии, установленной согласно «Положению о русских гимназиях». Арцишевскому было поручено предложить Учебному комитету пересмотреть «Положение» и при необходимости внести в него изменения, представив затем на утверждение Главного комитета¹².

После поездок в Болгарию Юренева и Жекулиной и переговоров с Цветиновым, Главный комитет признал состояние эмигрантских школ вполне удовлетворительным, о чем свидетельствовал образовательный уровень выпускников русских гимназий. По отзывам профессоров, ученики, окончившие их, в частности шуменскую гимназию, были в числе лучших студентов в высших учебных заведениях Чехословакии и Франции¹³.

22 октября на заседании Учебного комитета при уполномоченном ВСГ обсуждались возражения Иванова, представленные им в особом докладе согласно постановлению Комитета от 12 сентября. По мнению Базанова, причинами недочетов в русском школьном деле являлись общие условия жизни эмигрантов, а не система управления школами. Разве можно требовать от студента блестящих успехов, когда для того, чтобы добыть кусок хлеба, он вынужден работать. Известно, что и в Сербии, и в Чехословакии школы управлялись «диктаторскими приемами», но никто не делал таких разгромных докладов. Иванов, признав заслуги Арцишевского, еще раз подчеркнул, что проблема не в уполномоченном, а в самой системе управления учебным делом.

Базанов указал на неуместность угрозы докладчика о возможных действиях со стороны болгарского правительства. Иванов пояснил, что такое заявление является предостережением, так как надо предвидеть «крайний конец». Базанов выразил удивление насчет того, что докладчик, будучи членом Учебного комитета и участвовавший в разработке «Положений» как о гимназиях, так и о комитете, никаких особых мнений не высказывал и окончательную редакцию проектов одобрил. Иванов

парировал, что во время обсуждения «Положения об Учебном комитете» он высказывал свои возражения, но все-таки согласился с предложенным проектом, в дальнейшем убедившись в существенных недостатках «Положения». Учебный комитет постановил переслать материалы по «делу Иванова» педагогическим советам для обсуждения¹⁴.

Однако 8 ноября Учебный комитет, в связи с тем, что материалы по «делу Иванова» могли вызвать «излишние суждения и нежелательные последствия», постановил (двумя голосами за — Базанова и Иванова против одного — Стефанова) не посылать указанные материалы в педагогические советы, а ограничиться пересмотром «Положения о русских гимназиях»¹⁵.

Вскоре до Софии дошел «Вестник Педагогического бюро» от 1 ноября 1928 г., где была опубликована резолюция пленума Бюро по докладу Иванова¹⁶. 14 ноября Учебный комитет счел указанную резолюцию новым обстоятельством и отложил окончательное решение вопроса. Тогда же Иванов представил в Комитет копию письма присутствовавших на заседании пленума С. Гессена и Н. Новожилова, которые уверяли, что никаких оскорбительных выражений по адресу русских педагогов в Болгарии в докладе Иванова не содержалось¹⁷.

На заседании Комитета 7 декабря было сообщено о смерти в ночь на 4 декабря директора шуменской гимназии В.Ф. Коренева и о ревизии гимназии инспектором МНП, который высказал недовольство относительно небольшого числа уроков, отводимых в этом учебном заведении на преподавание болгарского языка и истории Болгарии.

В процессе обсуждения просьбы софийской группы Общества русских педагогов в Болгарии — переслать ей материалы «дела Иванова», выяснилось, что тот уже отослал свои доклады, изначально адресованные Учебному комитету и Академическому союзу, в Варну и Шумен. Базанов как председатель Академического союза высказал удивление по поводу посылки в Варну информационного доклада без ведома Союза, да еще с сообщением только одной благоприятной для докладчика части постановления. Стефанов обратил внимание на неэтичность поступка Иванова, который в конфиденциальном порядке послал в школы свой доклад, адресованный Комитету. Было принято решение отправить Софийской группе необходимые материалы¹⁸.

18 декабря в письме Юреневу Арцишевский сообщил, что доклады Иванова передавались «по секрету» от одного преподавателя к другому и были прочитаны всеми педагогами варненской и шуменской гимназий. В то же время продолжались «хождения» Иванова в МНП, где он высказывал критические суждения относительно русской школы¹⁹.

24 декабря в письме Юреневу Иванов недоумевал, каким образом его заявления, сделанные в частном порядке, попали в протокол заседания

главного комитета ВСГ (от 5 июля)? Докладчик с удивлением обнаружил, что, оказывается, присутствовал на официальном заседании главного комитета. По словам Иванова, Астров пригласил его всего лишь на собеседование («давайте, побеседуем») ²⁰.

12 января 1929 г. Учебный комитет постановил передать на обсуждение в педагогические советы гимназий и сельскохозяйственного училища «указания о недостатках в постановке учебного дела в русских учебных заведениях в Болгарии, сообщенные К.И. Ивановым» ²¹. 24 января директорам софийской и шуменской гимназий и сельскохозяйственного училища было отправлено циркулярное письмо уполномоченного ВСГ с просьбой дать свое авторитетное заключение, действительно ли в эмигрантских школах наблюдаются указанные докладчиком недостатки, и не позднее 1 марта представить результаты обсуждения ²².

Примечательно, что в школы были разосланы лишь «указания о недостатках», извлеченные из докладов Иванова, а не сами доклады. «Посылаю Вам, — разъяснял Арцишевский Юренеу в письме от 24 января, — копию материала, переданного на обсуждение в педагогические советы. Как видите, выборка сделана очень объективно, и все опасные для дела места в нее не включены» ²³.

Педагогические советы софийской и шуменской гимназий и сельскохозяйственного училища, не отрицая наличия некоторых дефектов в учебном деле, связывали имеющиеся недостатки с общими тяжелыми условиями жизни эмигрантов, а не с тем, что система управления якобы стесняла педагогическую работу ²⁴. По словам Иванова, педагогические советы не были достаточно компетентны, чтобы сделать объективные выводы ²⁵.

В то же время Иванов подал Арцишевскому заявление о выходе из состава Учебного комитета. По его словам, он «пришел к убеждению, что едва ли можно ожидать, чтобы деятельность Учебного комитета была в будущем построена на основаниях, которые бы оправдывали ту моральную ответственность за ход русского учебного дела в Болгарии, которая лежит на Учебном комитете» ²⁶.

Тогда же в софийской и шуменской гимназиях произошли инциденты, закончившиеся увольнением ряда педагогов. Из шуменской гимназии прошения об увольнении подали следующие преподаватели: латинского языка — И.Ф. Абрамитов, французского языка — З.С. Губская, математики — Г.Г. Данилов (которому Иванов пересылал свой доклад Учебному комитету) ²⁷.

И. Родославов, преподававший в софийской гимназии историю и географию Болгарии, защищая Иванова, заявил на педагогическом совете: «Вы хотите избавиться от присутствующих в совете болгар (он и Иванов), наблюдающих за расходом казенных средств, чтобы бесконтрольно

и незаконно распоряжаться болгарскими деньгами». На другой день уполномоченный получил заявления почти от всех членов Совета, бывших на заседании, о том, что они, возмущенные и оскорбленные недопустимым поведением Родославова, не могут состоять с ним в одной коллегии. Арцишевский решил в административном порядке немедленно уволить преподавателя. Такая радикальная мера получила поддержку председателя Комиссии по содержанию русских детей в Болгарии Г.Д. Цветинова²⁸.

В феврале–марте 1929 г. в болгарской прессе появились публикации, в которых обсуждались «непорядки» в русских школах. 23 марта в оппозиционной демократической газете «Знамя» была опубликована статья «Около русского учебного дела в Болгарии», где в частности освещался конфликт на заседании педагогического совета софийской гимназии. Впрочем, вскоре в газете были напечатаны опровержения Арцишевского, Цветинова, педагогического совета и родительского комитета софийской гимназии²⁹.

Несмотря на то, что в марте по распоряжению МНП начались ревизии учебных заведений ВСГ, Арцишевский считал, что «нашему делу осложнения все-таки не грозят: вероятно, нам будет указано на необходимость изменения учебного плана (отнюдь не в сторону усиления математических наук), но это изменение давно было нами предreshено, и еще осенью в выработанной тогда программе предстоящего на Пасхе педагогического съезда в Софии предусмотрен доклад об изменениях в существующем учебном плане»³⁰.

Назначенный на 8–10 мая 1929 г. русский педагогический съезд в Софии проходил незадолго до педагогического съезда по вопросам воспитания русской молодежи за рубежом (6–9 июля 1929 г., Прага). Поэтому «воспитательная» часть софийского съезда в основном соответствовала программе пражского съезда. «Образовательная» же часть главным образом была посвящена пересмотру учебного плана³¹.

С 1929/30 учебного года русские школы занимались по новому учебному плану. Был сокращен курс математики, факультативно изучались начертательная геометрия и черчение, обязательным для изучения был французский язык, второй иностранный язык (немецкий или английский) преподавался факультативно, латинский язык изучался с V класса, курс законовещения сокращался до одного урока в неделю. Исключение делалось для варненской гимназии, где обязательным иностранным языком был английский, а французский и немецкий преподавались факультативно³².

В то время, когда русские педагоги решали, что можно сделать для развития эмигрантских учебных заведений в Болгарии, проводилась ревизия варненской, софийской и шуменской гимназий. Ее результаты в мае

1929 г. были обобщены главным инспектором русских гимназий С. Димитровым, следившим и за работой русского педагогического съезда.

Ревизия показала, что русские школы в административном и педагогическом отношении не отвечали болгарскому законодательству: их система управления устарела, обучение проводилось догматически, учебная программа была перегружена, на изучение болгарского языка предусматривалось всего лишь 1–2 часа в неделю, персонал был недостаточно квалифицированным, отсутствовали специально оборудованные кабинеты, методы воспитания отличались архаичностью, финансовые средства часто тратились не по назначению (на устройство праздников и т.д.).

Димитров рекомендовал МНП применить к русским гимназиям следующие меры: уравнивать их правовой статус с учебными заведениями других проживающих в Болгарии народов, ежегодно утверждать учебные программы и учебники, формировать школьный персонал, регулярно проводить ревизии, способствовать повышению уровня преподавания болгарских национальных предметов. Но самым главным, по мнению инспектора, было то, что русская молодежь должна была обучаться в болгарских средних учебных заведениях. Финансовые же средства предлагалось тратить на устройство детских садов, подготовительных школ, прогимназий и пансионатов.

Впрочем, министерство приняло не все рекомендации Димитрова, но высказалось за устройство русских учебных заведений в соответствии с требованиями болгарского законодательства. В частности, предлагалось увеличить число уроков на преподавание «местных дисциплин».

Учебный комитет направил в МНП доклад о положении русской школы в Болгарии. В нем разъяснялось, что в настоящее время ученики эмигрантских школ занимаются 260 часов в неделю, то есть на 39 часов больше, чем их болгарские сверстники. Прибавление еще 50-ти часов на «местные предметы» и другие дисциплины стало бы непосильной нагрузкой для учащихся. Сокращение же часов преподавания предметов «россиики» и французского языка привело бы к потере национального своеобразия русских учебных заведений.

Однако Учебному комитету все же пришлось увеличить число учебных часов на преподавание болгарских национальных предметов. Таким образом, нагрузка в русских школах стала на 51 час больше, чем в болгарских полуклассических гимназиях³³.

5 июля 1929 г. К. И. Иванов представил Педагогическому бюро в Праге информационный доклад о состоянии русского культурно-просветительного дела в Болгарии, в котором делал вывод, что русская школа в Болгарии зашла в тупик, из которого ей собственными силами не выбраться³⁴.

Происходившие трансформации способствовали сокращению учебных заведений русских эмигрантов и числа учащихся. В августе 1926 г. закрылась гимназия в Тырново-Сеймене (мальчики были переведены в шуменскую гимназию, девочки — в варненскую; несколько человек — в софийскую)³⁵. В 1930 г. болгарское правительство прекратило финансирование варненской гимназии, которая с сентября 1928 г. состояла в ведении Лондонского благотворительного общества. Последний выпуск сельскохозяйственного училища состоялся в январе 1931 г. В 1932 г. прекратила существование русская гимназия в Пещере. Государство продолжало финансировать лишь две гимназии, в Софии и Шумене, и четыре начальные школы — в Бургасе, Варне, Пернике и Софии. В сентябре 1934 г. были закрыты шуменская гимназия и детские интернаты в Бургасе и Варне. Большинство учащихся и часть персонала упраздненной шуменской гимназии были переведены в софийскую гимназию, которая просуществовала до сентября 1944 г.³⁶

Примечательно, что с 1 июня 1920 г. до 1 января 1930 г. на содержание русских культурно-просветительных учреждений Земгора и ВСГ было израсходовано 75 681 572 лева 29 стотинок, из которых 35 513 172 левов 40 стотинок — составляли средства болгарского правительства³⁷.

28 декабря 1933 г. Учебный комитет (к тому времени выведенный из структуры ВСГ) был реорганизован в комиссию, председателем которой стал начальник отдела вероисповеданий министерства иностранных дел и вероисповеданий Д. Груев. Характерно, что в состав комиссии был включен и К.И. Иванов. С 15 августа 1935 г. русское школьное дело финансировалось согласно Положению об организации русской вспомогательной акции в Болгарии. 23 декабря 1937 г. по приказу министра иностранных дел и вероисповеданий была создана Комиссия по заведованию русским культурно-просветительным делом в Болгарии, в состав которой вошли два русских профессора — В.А. Мякотин и М.Г. Попруженко и три болгарина — Д. Лазов, К. Иванов и Г. Цветинов³⁸.

В августе 1941 г. министр-председатель болгарского правительства проф. Б. Филев назначил 4-летний ликвидационный срок для частной школы В.П. Кузминой (Кузьминой). 30 марта 1944 г. во время бомбардировки Софии в школу попала бомба. 9 сентября к власти в Болгарии пришло правительство Отечественного фронта, а уже 1 октября было прекращено финансирование русских учебных заведений³⁹.

С каждым годом русская школа в Болгарии всё больше утрачивала национальное своеобразие, подчиняясь требованиям болгарского правительства. Учебный план и программы приспособлялись к стандартам местных школ. Всё труднее удавалось сохранять необходимое число уроков для преподавания русских национальных предметов. Заметную роль

в процессе денационализации эмигрантской школы сыграл К.И. Иванов, который считал, что русские учебные заведения должны занять более скромное положение в болгарской системе образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Горяинов А.Н.* Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х гг. XX в.) // *Славяноведение*. 1994. № 4. С. 23–33; *он же.* Русская эмигрантская школа в Болгарии (1920-е годы) // *Педагогика*. 1995. № 1. С. 76–82; *Даскалов Д.* Профессионален и културен профил на бялата емиграция в България // *Бялата емиграция в България: Материали от научна конференция* (София, 23 и 24 септември 1999 г.). София, 2001. С. 71–78; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005; *Кёсева (Кьосева) Ц.* Болгария и русская эмиграция. 1920–1950-е годы. М., 2008; *она же.* Правовое положение и адаптация русских беженцев в Болгарии (20–40-е годы XX в.) // *Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы*. СПб., 2006. С. 160–182; *она же.* Русские школы в Болгарии (20–40-е годы XX в.) // *Русское зарубежье в Болгарии: История и современность*. София, 2009. С. 64–71; *Косик В.И.* Наброски к «портрету» русской эмиграции в Болгарии в 1920–1950 годах // *В поисках лучшей доли: Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Вторая половина XIX — первая половина XX в.* М., 2009. С. 76–94; *он же.* Софии русский уголок. М., 2008; *Мангачев П.* Документална история на руските бежанци в България (1919–1944). В 2 т. София, 2015; *Пархоменко Т.А.* Русская акция в Болгарии // *Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.)*. М., 1999. С. 202–211; *Пчелинцева Т.К.* Русская смешанная гимназия В.П. Кузминой в г. Софии (лицей В.П. Кузминой) // *Союз русских инвалидов в Болгарии* [Интернет-ресурс]. URL: <http://sribru.com/russkoe-uchebnoe-delo> (дата обращения: 14.12.2015); *Седова Е.* Русская школа в Болгарии как фактор самосохранения детей эмиграции // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2013. № 1. С. 116–122; *Чернявский Г.И., Даскалов Д.* Судьбы русской белоэмиграции в Болгарии // *История СССР*. 1961. № 1. С. 109–117.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 192. Л. 66, 75, 95, 107, 117, 123; *Кожина-Заборовская М.* Русская Галлиполийская гимназия (1921–1926) // *Русская школа за рубежом*. 1926. № 23. С. 529; *Обзор русского учебного дела и сведения о русских учебных заведениях в Болгарии*. София, 1923. С. 4–5, 7; *Руднев В.В.* Зарубежная русская школа. 1920–1924. Париж, 1924. С. 47, 56–58; *Шавельский Г.И., протопресвитер.* Русская школа в Болгарии // *Педагогика российского зарубежья*. М., 1996. С. 381; *Русь*. 1925. 20 июня.

³ *Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей*. 1923. № 2. С. 73, 75–76; *Обзор русского учебного дела и сведения о русских учебных заведениях в Болгарии...* С. 10–11, 14–18.

⁴ *Обзор русского учебного дела и сведения о русских учебных заведениях в Болгарии...* С. 8, 13–14.

⁵ *Кёсева Ц.* Русские школы в Болгарии... С. 65.

⁶ *Бюллетень Педагогического бюро...* 1924. № 5. С. 10; *Кёсева Ц.* Русские школы в Болгарии... С. 65.

⁷ ГА РФ. Ф. Р–5766. Оп. 1. Д. 14. Л. 97; *Горяинов А.Н.* Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии... С. 28; *он же.* Русская эмигрантская школа в Болгарии... С. 76–77.

- ⁸ ГА РФ. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.
- ⁹ Русская школа за рубежом: Исторический опыт 20-х годов.: Сборник документов / Сост. В.А. Владыкина, Т.Ю. Красовицкая. М., 1995. С. 164–167.
- ¹⁰ Вестник Педагогического бюро. 1928. № 16–17. С. 8.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 435. Л. 6.
- ¹² Там же. Л. 6–10.
- ¹³ Там же. Л. 75–75 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 76–77.
- ¹⁵ Там же. Л. 78–79 об.
- ¹⁶ Вестник Педагогического бюро. 1928. № 16–17. С. 8.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 435. Л. 80–80 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 81–82.
- ¹⁹ Там же. Л. 83–84 об.
- ²⁰ Там же. Л. 85–85 об.
- ²¹ Там же. Л. 95–95 об.
- ²² Там же. Л. 99–99 об.
- ²³ Там же. Л. 98.
- ²⁴ Там же. Л. 96.
- ²⁵ Там же. Л. 150 об.
- ²⁶ Русская школа за рубежом. 1929. № 31. С. 126.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 435. Л. 83 об., 96 об.–97.
- ²⁸ Там же. Л. 96–96 об.
- ²⁹ Там же. Л. 96 об.
- ³⁰ Там же. Л. 97.
- ³¹ ГА РФ. Ф. Р–5766. Оп. 1. Д. 149. Л. 1–1 об.; Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 21. Л. 113–113 об.
- ³² ГА РФ. Ф. Р–5925. Оп. 1. Д. 5. Л. 225 об.; Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. 1930. № 59–60. С. 11; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. С. 384.
- ³³ *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 156–159.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. Р–5809. Оп. 1. Д. 435. Л. 148, 151 об.
- ³⁵ *Кожина-Заборовская М.* Русская Галлиполийская гимназия... С. 531; *Горяинов А.Н.* Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии... С. 29.
- ³⁶ *Бендерев Д.А.* Воспоминания о Софийской русской гимназии. 1924–1934 г. София, 2014. С. 69; Вестник Педагогического бюро. 1928. № 18. С. 11; Труды V съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. София, 1932. С. 3; *Кёсева Ц.* Русские школы в Болгарии... С. 68–69; *Петрушева Л.И.* Русская эмигрантская школа в Европе // Славяноведение. 2009. № 1. С. 30.
- ³⁷ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. С. 386; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция... С. 144.
- ³⁸ *Кёсева Ц.* Русские школы в Болгарии... С. 68–70.
- ³⁹ Там же. С. 70–71; *Пчелинцева Т.К.* Русская смешанная гимназия В.П. Кузминой в г. Софии (лицей В.П. Кузминой) // Союз русских инвалидов в Болгарии [Интернет-ресурс]. URL: <http://sribru.com/russkoe-uchebnoe-delo> (дата обращения: 14.12.2015).